

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1013-1032

EDN: PWOHJI

Ответственность как фактор консолидации городского сообщества в российском приграничном регионе*

В.П. Бабинцев¹, Г.Н. Гайдукова², Ж.А. Шаповал¹

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

²Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Средний просп. В.О., 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru; gaydukova-gn@ranepa.ru; shapoval@bsuedu.ru)

Аннотация. Ответственность (социальная) выступает одним из наиболее важных ценностных оснований консолидации сообществ разного уровня. Только при ее утверждении в массовом сознании в качестве неперемennого качества личности консолидационный процесс может стать реальным. Несмотря на давнюю традицию обсуждения проблематики ответственности, она мало разработана в современном социально-гуманитарном знании. Кроме того, на практике зачастую фиксируется дефицит индивидуальной и коллективной ответственности, определяющий жизнедеятельность сообществ разного уровня и препятствующий объединению. Цель статьи — оценка роли ответственности личности в консолидации городского населения приграничного региона. Выбор объекта исследования объясняется не только значимостью паттерна ответственности для консолидации, но и спецификой ситуации в регионе-фронтире, на которую оказывает существенное влияние специальная военная операция на Украине. Она обуславливает особую актуальность ответственности человека, превращается в феномен, имеющий экзистенциальное значение для большой группы. Работа опирается на результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2022–2023 годы методом анкетирования городских жителей Белгородской, Курской и Воронежской областей, экспертного опроса и фокус-групп. Исследование показало неоднозначность и даже парадоксальность распространенных среди горожан суждений относительно того, в какой мере они готовы отвечать за себя и общество в современных условиях. Первый парадокс — противоречие между относительно высокой символической значимостью для горожан установки на социально ответственное поведение и неспособностью воплотить ее на практике. Второй парадокс проявляется в конфликте между индивидуалистически и коллективно ориентированными поведенческими моделями: подавляющее большинство горожан беспокоятся о состоянии дел в своей «локации» (находится в экстремальной ситуации), об окружающих и близких, но одновременно почти две трети респондентов согласились с утверждением, что человек несет ответственность только за себя и свои действия. Третий парадокс связан с тем, что, вопреки распространенным

*© Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., 2024

Статья поступила в редакцию 24.02.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

стереотипам о преимущественно индивидуалистической ориентации молодежи, доля молодых людей, считающих, что человек несет ответственность только за себя и свои действия, оказалась ниже, чем в других возрастных группах.

Ключевые слова: социальная консолидация; социальная солидарность; социальная ответственность; социальная конъюнкция; социальная дизъюнкция; локальное сообщество; городское сообщество; Белгородская область; приграничный регион

Одним из результатов проведенных нами исследований консолидации локальных сообществ [3] стал вывод об особой значимости для осмысления социальной конъюнкции (1) (консолидация — одна из ее форм) ценностных оснований интеграции. Важность ценностного компонента для консолидации подчеркивается и другими авторами [12; 3; 18; 20; 25; 27], однако в конкретизации детерминирующего ее набора ценностей мнения расходятся и часто упрощают проблему: речь должна идти не о перечислении отдельных ценностей, а об определении ценностно-смысловых паттернов, в рамках которых «ценность-ядро» органически связана с периферийными смыслами, и в комплексе они составляют паттерны — устойчивые конфигурации ценностных ориентаций, контролирующее поведение субъектов и описывающих его в параметрах единого семантического ряда.

На основании исследований, проведенных в приграничных с Украиной регионах России, в том числе в ходе разработки и реализации Стратегии формирования регионального солидарного общества до 2025 года в Белгородской области к числу наиболее значимых паттернов можно отнести идентичность, справедливость, доверие и ответственность. Применительно к проблематике консолидации они в той или иной мере проанализированы в научной литературе [11; 15; 18; 33; 34; 35], за исключением паттерна ответственности — она лишь упоминается в ряде работ в связи с влиянием на консолидацию глобальных аспектов развития [18. С. 263], позиции государства [23. С. 161] и участия бизнеса [2. С. 16]. В известной степени это можно объяснить тем, что, несмотря на давнюю традицию обсуждения проблемы ответственности (в том числе социальной), она мало разработана в современном социально-гуманитарном знании: «В социологии как науке, изучающей социальные явления и процессы, вопрос понимания социальной ответственности почти не разработан... Понимание ответственности как социального и философского понятия разработано недостаточно» [14. С. 48]. Лишь отдельные аспекты этой проблемы рассмотрены в публикациях отечественных и зарубежных авторов [см., напр.: 5; 10; 24; 30; 38; 39; 40; 41]. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в общественном мнении ответственность часто получает односторонне-негативную трактовку, поскольку «современное общество характеризуется узким восприятием понятия “ответственность” как фактора, ограничивающего поведение индивида, а не как образующего компонента его деятельности во всех сферах взаимодействия внутри социума» [31. С. 34].

Мы полагаем, что ответственность не просто выступает одним из оснований консолидации — только при ее утверждении в массовом сознании как неперемного качества личности станет возможен реальный консолидационный процесс в локальных сообществах. Определяется это тем, что ответственность является необходимым условием достижения коллективных целей, что предполагает участие разных акторов, точно выполняющих закрепленные за ними роли (веберовская концепция «этики ответственности» [8]); служит базисом для налаживания прочных межличностных и институциональных коммуникаций, основанных на взаимном доверии, а доверять можно лишь тем контрагентам, которые выполняют принятые на себя обязательства; позволяет личности осуществлять саморегуляцию и самоконтроль, предотвращая возможные социальные отклонения, вызванные внешними обстоятельствами и деформированными потребностями и интересами. На практике зачастую фиксируется дефицит индивидуальной и коллективной ответственности, определяющий жизнедеятельность сообществ различного уровня самоорганизации и препятствующий их объединению. В частности, в проведенном нами в 2022 году исследовании «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» 32 % экспертов объяснили низкий уровень готовности горожан к объединению с другими людьми нежеланием брать на себя ответственность. Эта причина вошла в число трех главных оснований низкой ориентации на объединение наряду с недостатком свободного времени (32 %) и дефицитом взаимного доверия (32 %).

Характерная черта современного российского общества — неравномерное распределение «инстанции ответственности» в ее социальной направленности. По данным исследования Левада-центра¹, проведенного в июле 2023 года, «россияне в большей степени ощущают ответственность и свою возможность повлиять на то, что происходит в их семье и доме/дворе, в меньшей степени — на то, что происходит в стране... Больше всего россияне чувствуют ответственность за то, что происходит в семье: 85 % чувствуют ответственность в полной или значительной мере. Ответственность за происходящее в доме или во дворе, а также на работе, чувствуют 54 % и 48 % соответственно. Еще 36 % говорят об ответственности за ситуацию в городе или районе, чуть меньше — 32 % — за то, что происходит в стране. При этом с конца прошлого года снизилась доля чувствующих ответственность по всем категориям» [36]. «Асимметрия инстанции ответственности» не может не отразиться на перспективах консолидации локальных сообществ разного уровня. Однако недостаток теоретических разработок и эмпирических данных не позволяет составить ясное представление о том, как воспри-

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

нимают личную ответственность представители разных сообществ, и в какой мере она оказывает влияние на их отношение к идее консолидации.

Статья обобщает результаты исследований в приграничных с Украиной регионах-фронтах — Белгородской, Курской и Воронежской областях, проведенных до и в самом начале специальной военной операции. Эти области различаются по величине и уровню социально-экономического развития, но их объединяет наличие границы с Украиной (большей или меньшей протяженности), пребывание в течение почти трех лет в зоне непосредственной военной опасности, а также в прошлом довольно прочные связи с украинскими территориями. Одно исследование было проведено авторами в апреле 2022 года методами массового анкетирования городских жителей (N=1518, по 506 человек в каждой области, выборка квотная по параметрам пола, возраста, места проживания), экспертного опроса (50 экспертов) и фокус-групп (6 групп, 57 участников) среди представителей молодежи, работников бюджетной сферы, органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей (самозанятых) и безработных (частично занятых). Поскольку ситуация во фронтном регионе характеризуется высоким уровнем социальной динамики, в 2023 году была предпринята попытка уточнить полученные данные. Однако близость Белгородской области к театру военных действий не позволила провести массовый анкетный опрос. Нам пришлось ограничиться серией фокус-групп в июне 2023 года (6 групп, 36 участников).

В рамках исследований учитывалось наличие несколько философских концепций ответственности [4; 6], начало формирования которых связано с работами Платона и Аристотеля [17]. Однако «социологическое измерение» проблемы имеет специфику, которая заключается в анализе ответственности как взаимоотношения рационально действующей личности со своими контрагентами с учетом трех показателей:

Наличие или отсутствие у человека такого качества субъектности, как способность принимать самостоятельные решения и быть независимым в своих действиях: «как носитель ответственности субъект обязан быть самостоятельным и свободным, а главное, в состоянии предусмотреть последствия своих действий. Это возможно только тогда, когда он действует самостоятельно и конструирует свои действия, чей характер не задан изначально, а последствия могут быть предсказуемы» [4. С. 14].

Обладание или не обладание возможностью свободного выбора, осуществляемого добровольно и по инициативе самого субъекта: «ответственность должна пониматься и в полной мере восприниматься как высший морально-этический принцип, основной закон, определяющий общий характер и направленность человеческой деятельности во всех ее сферах за счет индивидуально проявляемой свободы выбора определенного характера поведения и практической деятельности; как принятие и неукоснительное соблюдение ценностных критериев своего присутствия и своего права жить в об-

ществе; как стремление личности к осознанию последствий своего поведения и как средство внешнего и внутреннего контроля и регуляции деятельности, когда должное выполняется сознательно и добровольно (по долгу и совести); как механизм ощущения вины за свои поступки и действия, совершенные не во благо общества; как фундаментальное нравственное качество личности, обеспечивающее воспитание подрастающего поколения» [6. С. 13].

Способность/неспособность к рефлексии собственного познавательного и предметно-практического опыта, которая логически вытекает из предыдущих утверждений. Если первые два признака в решающей степени зависят от внешних обстоятельств, то последний — в первую очередь от самого субъекта.

На основе предложенных признаков можно свести интерпретации ответственности к трем моделям. Возможно, их названия выбраны не всегда удачно, но они отражают концептуальную идею и ее следствия (модели редко встречаются в «чистом виде», их отдельные элементы эклектически соединяются, образуя гибридные конструкции).

1. *Ответственность — социальная функция.* Строго говоря, данная модель характеризует скорее «квазиответственность», поскольку в ее основе лежит представление об ответственности как о способности и готовности человека точно следовать социальным нормам, быть дисциплинированным и исполнительным. Следовательно, источник ответственности лежит «вовне», но это противоречит исходному положению об ответственности как личном сознательном выборе. Важнейший индикатор ответственного поведения в этой интерпретации — установка личности на предотвращение социальных девиаций в соответствии с представлением о должном: «Ответственность представляет собой стремление принимать участие в преодолении негативных последствий общественных проявлений» [29. С. 78]. Ответственность не сводится только к этому аспекту, а определяется готовностью соблюдать предписанные социальные роли «добропорядочной» личности. Но при всей ее важности и востребованности, реализация этой функции существенно ограничивает субъектность человека и свободу выбора, предполагая минимальный уровень рефлексии — точное следование нормам не побуждает к критической самооценке. Однако это не означает, что модель «ответственности-функции» изначально неприемлема и ущербна.

2. *Ответственность — миссия.* Здесь ответственность трактуется не столько как исполнительность и дисциплинированность субъекта, недопущение им поступков, оцениваемых как социальные девиации, сколько как понимание того, что составляет общественное благо и как можно содействовать его практической реализации, предотвращая нежелательные последствия деятельности социальных институтов и индивидов. В этом случае ответственность неизбежно принимает коллективный характер и становится социальной, т.е. превращается в «социальное качество личности» [4. С. 15]. При этом

она выступает результатом добровольного выбора, определяемого не внешними обстоятельствами, а нравственной позицией личности, ее совестью и убеждениями. Степень свободы в данном случае существенно возрастает, и на стадии выбора общественного блага и его символических компонентов человек проявляет высокий уровень субъектности, который ограничивается лишь в последующих действиях в результате включения в конкретное сообщество и принятия типичных для него стандартов мышления и поведения. Рефлексия здесь обретает односторонний (идеологизированный) характер, поскольку базируется на принципах, коими «нельзя поступиться».

3. *Ответственность — саморегуляция.* Данная модель учитывает двойственный характер ответственности: «это, с одной стороны, такой уровень личностной саморегуляции, на котором значимость и иерархичность актуализированных высших ценностей оставляют за субъектом свободу выбора поведения, предполагающую ответственность перед собой, другими людьми за сделанный выбор, действие и его результаты; а с другой — повиновение личности общественным нормам и государственным законам, препятствующим их нарушению» [7. С. 147]. Модель базируется на утилитарно-прагматическом отношении к социальной реальности и признании максимально допустимой для конкретного социума автономизации личности. Здесь ответственность — это способность и готовность личности выполнять добровольно принятые на себя обязательства. Человек сам решает, за что он намерен отвечать, руководствуясь своими потребностями и интересами и тем самым демонстрируя высокий уровень субъектности и свободу выбора. Он постоянно рефлексировывает над своим социальным опытом, как правило, мало беспокоясь об общественных интересах или даже не имея о них четкого представления. Эта модель максимально ориентирована на практический результат, но при этом стимулирует социальную дизъюнкцию — процессы «расстройства, рассогласования, распада интеграционных средств», ведущие к проблематизации «основной цели интеграции — социального воспроизводства общества» [19. С. 11].

Существенные расхождения в интерпретациях ответственности находят логичное продолжение в установках массового сознания, оказывая несомненное влияние на перспективы консолидации. В ходе проведенных опросов была выявлена неоднозначность и даже парадоксальность распространенных среди горожан оценок и суждений относительно их готовности отвечать за себя и общество в условиях современной гибридной реальности. Первый парадокс — неочевидных деклараций: в его основе лежит довольно очевидный факт высокой пассивности горожан, лишь эпизодического их включения в решение общих дел и в микропрактики солидарности. Так, в них принимали участие лишь около половины городских жителей Белгородской области. При этом основными общественными мероприятиями стали субботники, благоустройства дома, микрорайона или населенного пункта (49 %), т.е. практики, оставшиеся от советского прошлого, носящие

разовый характер и не предполагающие включения в процесс принятия решений. В собраниях жильцов дома участвовали лишь 31 % респондентов; 30 % — в безвозмездной помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию; 27 % — в выборах; 23 % — в ремонте дома или общественных зданий и помещений (школа, детский сад, поликлиника и т.п.); 22 % организовывали мероприятия среди жильцов дома, района, города. Реже всего горожане работали волонтерами (16 %), собирали подписи и обращения к властям и органам местного самоуправления (16 %), участвовали в обсуждении городских проблем (11 %), участвовали в деятельности общественных объединений и партий (8 %), наблюдали за порядком в составе добровольных народных дружин и на выборах (7 %), участвовали в митингах, пикетах и акциях протеста (4 %), а 5 % вообще не участвовали за последние два-три года ни в каких общественных акциях (Рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В каких общественных мероприятиях (делах) из указанного списка Вы принимали участие за последние 2–3 года?», %

Ответственность наиболее полно реализуется и объясняется через деятельность [17], и было бы логичным предположить, что дефицит коллективных (солидаристских) практик свидетельствует о низком уровне ответственности. Однако 47 % респондентов, проживающих в городах Белгородской области, заявили, что ощущают ответственность в отношении происходящего в их городе, 27 % таковую не ощущают, а 26 % затруднились с ответом на этот вопрос. Учитывая, что в последние десятилетия в обществе преобладали дизъюнктивные процессы, полученный показатель достаточно высок, что довольно неожиданно в контексте представлений об индивидуализме как типичной черте современного общества, который существенно усилился в ходе гибридизации социума: «ответственность за собственное поведение» граждане «склонны возлагать на внешних регуляторов, например модераторов обществ... То есть человеку уже даже не обязательно задумываться над границами допустимого и последствиями своих действий, рефлексировать по их поводу, за него это делает машина. Так, если в “реальных” играх участники должны сами контролировать соблюдение правил, невольные или сознательные их нарушения, то в компьютерных играх правила являются встроенными алгоритмами, не рефлекслируемыми участниками» [16. С. 9–11].

Сопоставление показателя чувства ответственности с показателями участия в решении общих проблем показало его относительную адекватность только для участия в субботниках, и это примечательное (хотя и не абсолютное) совпадение. На примере субботников можно проиллюстрировать типичную смешанную модель ответственности жителей современного города в приграничье. Она сочетает черты модели-миссии и модели-саморегуляции, поскольку в реальных условиях субботники воспринимаются как приемлемый, требующий минимальных затрат, но вместе с тем одобряемый и демонстрационный вариант общественного участия. В то же время они рассматриваются в качестве нормы, сочетая добровольный характер и административную инициативу. Такой подход к микропрактикам солидарности предопределяет преимущественно символическое отношение к консолидации, восприятие ее как красивой идеи, но не повседневной практики.

Безусловно, полученные нами данные должны восприниматься критически, поскольку часть респондентов склонна давать социально одобряемые ответы. Вероятно, по меньшей мере на уровне деклараций ответственные отношения в городском сообществе не являются чем-то исключительным, хотя и в разной мере типичны для представителей конкретных групп. Так, молодежь до 29 лет заметно реже других возрастных когорт ощущала ответственность за происходящее в своем городе (39 % против примерно 50 % в более старших группах) (Табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Ощущаете ли Вы ответственность за происходящее в Вашем городе?» по возрасту, %

Варианты ответа	Ваш возраст:					Итого
	До 29	30–39	40–49	50–59	60+	
Да	39,1	49,2	47,5	52,1	48	47,1
Нет	32,2	24,2	26,3	26,6	25,7	27
Затрудняюсь ответить	28,7	26,6	26,4	21,3	26,3	25,9

В условиях российского фронта, где и проводился опрос, появляются дополнительные факторы, стимулирующие ответственность жителей городов и их консолидацию. Показательны в данном отношении результаты фокус-групп, в ходе которых постоянно высказывались суждения о консолидирующей роли СВО в российском приграничье: *«Мне кажется, что это [стремление к объединению, сплоченности] связано с последними событиями. Люди стали ближе. Если бы Вы этот вопрос задали полгода назад, я бы дал иной ответ, но в нынешней ситуации больше согласия». «В связи с последними событиями люди более сплоченными стали... Если в пандемию можно было сказать по-другому, что люди были, наоборот, разобщеннее, отдалились друг от друга, то сейчас ситуация кардинально поменялась». «Внешиеполитическая ситуация заставила людей немножко сплотиться». «В связи с нынешними событиями люди стараются друг другу помогать. Мы не берем, конечно, во внимание драки за сахар в магазинах. А так все гуманитарную помощь собирают. Ну и в принципе все друг к другу терпимее начали относиться, лояльнее».*

Можно утверждать, что активные военные действия внесли значимые коррективы в соотношение индивидуалистических и коллективистских ориентаций населения региона. Эти изменения выражаются прежде всего в обостренном чувстве сопричастности к их участникам, а также к пострадавшим от вооруженных акций, что особенно характерно для старших возрастных когорт: *«Очень ощущаю [ответственность]. Душа болит от обстрелов, что гибнут молодые ребята. Хочется им помочь чем могу».*

Парадоксально, что большинство участников фокус-групп продолжают мыслить в рамках традиционного подхода — выражая скепсис в отношении необходимости отвечать не только за себя, но и за других. По их мнению, повышенную ответственность должны нести органы власти: *«Я не занимаюсь административными вопросами нашей области и никоим образом не участвую в ее жизни». «Ну, мы вроде никакого отношения к администрации и организации жизни города не имеем, у нас есть органы власти, налоги платим, поэтому повышенной ответственности точно не ощущаю».*

Единственное, быть воспитанным и не рушить то, что создается — это как бы тоже ответственность».

Безусловно, нарастание военных действий активизировало часть горожан — они вступили в отряды территориальной самообороны, принимают участие в строительстве оборонительных сооружений, сборе средств для нужд армии и в иных формах оказания помощи (2). Но это лишь часть населения: многие городские жители отреагировали на военную ситуацию только активным обсуждением ее в социальных сетях, демонстрируя отчужденность от городского сообщества. Вероятно, здесь важны оценка справедливости организации городской жизни и уровень доверия. В частности, корреляционный анализ показал взаимосвязь ощущения ответственности и социальной справедливости (коэффициент 0,914 — очень сильная связь; у тех, кто считает, что в городе нет справедливости, он составляет 0,526). Примечательно, что связь между показателями у тех, кто уверен, что жизнь в городе организована справедливо, и признает безусловную важность интересов городского сообщества, характеризуется показателем 0,893, у тех, кто говорит о несправедливости жизни, — 0,465.

Зависимость ощущения ответственности от уровня доверия выражена не менее отчетливо, но скорее в отношении ближнего окружения (родственники, друзья и знакомые). Так, коэффициент корреляции между показателем доверяющих родственникам и ощущающими ответственность за происходящее в городе составил 0,864, среди не доверяющих — 0,571; друзьям и знакомым — соответственно 0,675 и 0,479. Но в отношении дальнего окружения такая зависимость отсутствует: коэффициенты корреляции между долей респондентов, доверяющих жителям города в целом, 0,491, и 0,399 между не испытывающими доверия и ощущающими ответственность. В случае институционального доверия картина выглядит неоднозначной: в отношении органов местной власти коэффициенты составили соответственно 0,526 и 0,317, т.е. можно говорить о влиянии уровня доверия к местной власти на ощущение ответственности горожан. Но этого нельзя сказать об относительно новой институции (групп в социальных сетях) — 0,288 (не доверяющие) и 0,264 (доверяющие).

Отрицают свою социальную ответственность те, кто исходит из постулата о тотальной несправедливости жизни: они обосновывали свою позицию ссылками на неоправданную социально-экономическую дифференциацию, взаимное отчуждение бедных и богатых, нежелание последних вкладываться в поддержку армии. *«Я тоже склоняюсь к несправедливости [организации жизни в городе]. Если уж мы затрагиваем тему СВО, то тогда пример: бабушка несет помощь солдатам, все что было у нее, по своим возможностям. Но никто из наших миллионеров не предлагал помощи. Основные причины несправедливости в том, что очень много говорится, но почти ничего не делается, а в докладах все хорошо». «Несправедлива [жизнь], если*

честно. Высокие цены, низкие зарплаты. Вот, даже когда освещали события в Шебекино, помните ролик, где бабушка рассказала, почему не хочет уезжать из-под обстрелов? Она знает, что она никому не нужна, она рассказала историю, как много лет проработала на заводе и до сих пор стоит в очереди на квартиру. Разве это справедливо? Не думаю. Слишком большое расслоение в обществе». «Вообще несправедлива [жизнь в городе]. Потому что бандиты кругом. Такую страну разрушили. Вот после развала Союза, что стало лучше? Где все заводы? Люди работали на благо родины. Вот, даже в Шебекино какие предприятия были. А сейчас ничего нет, пустота». «Несправедлива [жизнь в городе]. Почему, например, не привлечь малый бизнес к обеспечению армии? Разве мы бы были против, кто-то бы не переквалифицировался? Но это же невозможно! Все госконтракты отдаются тому, кому нужно, вот и все».

Представление о социальной несправедливости не только снижает чувство ответственности, но и создает своеобразный барьер для понимания всей сложности и опасности для общества и личности ситуации в российско-украинском приграничье. В некоторой степени ощущение несправедливости компенсируется ростом доверия в ответ на рост опасностей и угроз. «Доверие всегда актуально. Возможно вы, как и я, слышали рассказы своих родителей о том, что люди могли не закрывать двери, что ходили друг другу в гости; когда уезжали на длительное время, могли оставить ключи соседям, например. Возможно ли такое сейчас? В условиях СВО, конечно, доверие актуально, ведь так будет больше желающих помогать фронту: люди будут знать, что их не обманут, что помощь дойдет адресату. В конце концов, доверие нужно и для бдительности. Как? Ну вот, например, дружный двор — кто-то видит подозрительных людей, сообщает об этом в общий чат, не беспокоясь о напаках со стороны окружающих. Ведь доверие — это, в том числе, возможность высказывать свои опасения». «Я считаю, что в условиях СВО доверие является основной категорией во взаимоотношениях людей. Ведение общих дел, помощь окружающим, победа страны — гораздо легче всего этого достичь вместе. А как можно работать вместе без доверия? Я уверен, что никак, поэтому в эту непростую ситуацию для страны доверие необходимо. Но при этом доверять следует не всем, а только проверенным людям».

Относительно небольшой «радиус доверия», который характерен для России [9; 28; 30; 33; 35; 37], не способствует расширению пространства ответственности.

Не менее значим следующий парадокс — конфликт поведенческих моделей. На первый взгляд, результаты опроса дают основание утверждать, что многие горожане ориентированы на ответственность-миссию, поскольку беспокоятся о состоянии дел в своего региона (который нахо-

дится в экстремальной ситуации), об окружающих и особенно о близких (Рис. 2). В то же время 60 % респондентов согласились с утверждением, что человек несет ответственность только за себя и свои действия (модель саморегуляции).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями? Ответьте по каждому утверждению», %

Выявленное противоречие свидетельствует о наличии в массовом сознании латентного ценностного конфликта: с одной стороны, индивидуализация социальных практик побуждает человека ориентироваться на собственные интересы; с другой стороны, сложность ситуации в приграничье ведет к пониманию невозможности их реализовать лишь своими усилиями, без взаимодействия с окружающими, что объективно стимулирует ответственность, одновременно порождая новый парадокс. Признавая важность для себя интересов жителей города (90 %, 94 % среди тех, кто придерживается мнения об ответственности человека за место проживания), большинство горожан затрудняются определить, в чем они состоят, что именно должен отстаивать горожанин и за что отвечать. Наличие ясного представления об этом объединяет людей, но ни один из предложенных вариантов таких интересов не получил поддержки половины респондентов. Чаще всего к основным общественным интересам респонденты относили: создание комфортной городской среды (49 %) и обеспечение высокого уровня и качества жизни населения (44 %). Остальные варианты (в том числе предполагающие участие в решении городских проблем и реализации собственных инициатив) набрали меньше 30 % (Рис. 3). Очевидно, заявления о наличии объединяющих интересов — в большей степени декларации, что подтверждает и декларативный характер социальной ответственности значительной части горожан.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, состоят основные общественные интересы горожан?», %

Наконец, парадоксальным представляется то, что вопреки распространенным стереотипам о преимущественно индивидуалистической ориентации молодежи доля молодых людей, считающих, что «человек несет ответственность только за себя и свои действия», оказалась ниже, чем в других возрастных группах: так считают 62 % респондентов до 29 лет и 68 % в возрасте 50–59 лет. 89 % опрошенных молодых людей полагают, что «человек должен соблюдать договоренности между людьми». Безусловно, это не опровергает наличия преимущественно индивидуалистической и прагматической ориентации молодежного сознания, но дает основание считать, что все не так однозначно, как не однозначна и проблема ответственности, рассматриваемая в контексте консолидации городских сообществ.

Таким образом, жизнедеятельность современных городских сообществ в приграничных российских регионах подвержена влиянию од-

новременно конъюнктивных и дизъюнктивных тенденций, соотношение между которыми постоянно меняется. Эти изменения в приграничных с Украиной регионах России связаны с внутренними, а в последнее время и с внешними обстоятельствами, которые буквально подталкивают к объединению как естественной реакции на нарастание опасностей и угроз. Последние становятся фактором социальной консолидации, влияние которого довольно очевидно, но его трудно считать оптимальным, поскольку он имеет внешнее по отношению к городскому сообществу происхождение, неизбежно носит временный характер и предполагает преимущественно административное воздействие, тогда как наиболее перспективная модель консолидации основана на ценностном консенсусе, в том числе в отношении социальной ответственности.

Это хорошо понимают наиболее дальновидные руководители государственных и муниципальных органов, представители гражданского общества. Многие из них заявляют о необходимости формирования и повышения уровня ответственности граждан и предпринимают соответствующие шаги, но необходима также оценка состояния ответственности представителей городских сообществ и понимание тенденций эволюции этого качества личности. Неадекватная исходная установка, выражающаяся, в частности, в игнорировании сложного сочетания разных моделей ответственности и непонимании их специфики, чревата значительными социальными рисками. Утверждая принципы ответственности в обществе, необходимо представлять себе всю их парадоксальность, связанную с переплетением элементов разных моделей ответственности, что и продемонстрировало наше исследование. Главным его итогом стало представление об ошибочности негативных оценок личной ответственности членов городских сообществ, поскольку здесь наблюдается ряд парадоксов: противоречие между относительно высокой символической значимостью для горожан установки на социально ответственное поведение и недостаточной способностью воплотить ее на практике; конфликт между индивидуалистически и коллективно ориентированными поведенческими моделями; несоответствие распространенного стереотипа о преимущественно индивидуалистической (в соотношении с другими возрастными когортами) ориентации молодых людей реальным установкам молодежного сознания. Эти парадоксы минимизируют возможности консолидации горожан на основе ценностного консенсуса как наиболее приемлемой модели и дают основание рассматривать в нынешних условиях как наиболее реалистичную административную модель (объединение горожан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти). Однако следует помнить об ограниченности административной модели и работать над созданием ценностных оснований социальной консолидации.

Примечания

- (1) Социальная конъюнкция — процесс, ориентированный на просоциальное воспроизводство и основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех структурных элементах общества [1; 2; 19; 20; 21; 22], а также необходимое условие воспроизводства общества. Обратным процессом является социальная дизъюнкция — «расстройство, рассогласование и распад интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [19. С. 11]. Диалектическое взаимодействие социальной конъюнкции и дизъюнкции наиболее адекватно характеризует развитие современного общества.
- (2) См., напр.: В Белгородской области сформировали семь батальонов территориальной обороны // URL: <https://www.kp.ru/online/news/5284738>; Плечом к плечу. Как в Белгородской области помогают военным и беженцам // URL: <https://fonar.tv/article/2023/03/06/plechom-k-plechu-kak-v-belgorodskoy-oblasti-pomogayut-voennym-i-bezhencam>; «Пусть наши ребята знают, что мы их тыл»: как жители Белгорода поддерживают российских военных // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/987670-volontery-pomosch-belgorod>; Тепло и уют «Солдатского привала»: как волонтеры Белгородской области помогают военнослужащим // URL: <https://rg.ru/2023/06/09/reg-cfo/teplo-i-uyut-soldatskogo-privala-kak-volontery-belgorodskoj-oblasti-pomogaiut-voennoslužhashchim.html>; Покинувшим свои дома жителям Курской области помогают студенты-волонтеры // URL: <https://www.pnp.ru/social/pokinuvshim-svoi-doma-zhitelyam-kurskoy-oblasti-pomogayut-studenty-volontery.html>.

Библиографический список

1. *Аносов С.С.* Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ: Дис к.ф.н. Чита, 2019.
2. *Аносов С.С.* Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. № 2.
3. *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.* Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право.* 2021. Т. 46. № 3.
4. *Белов А.В.* Понятие социальной ответственности в современной социальной философии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. Т. 47. № 3.
5. *Биричева Е.В.* Экзистенциальные основания феномена социальной ответственности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
6. *Бобрышов С.В., Горбатовская Н.Н.* Феноменология и функциональное предназначение ответственности по регулированию взаимоотношений личности с самой собой и обществом // Известия ВГПУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 6.
7. *Василенко И.В.* Социальная ответственность: методологический анализ // *Logos et Praxis.* 2008. № 1.
8. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М., 2018.
9. *Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1.
10. *Виттенберг Е.Я.* Социальная ответственность бизнеса в России: вопросы теории // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4.
11. *Вольтер В.О.* Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3.
12. *Воронцов С.А., Понеделков А.В., Шарков Ф.И.* О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3.

13. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник — 2012 / Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2013.
14. Дик В.П., Сандакова Л.Г., Постников А.Н. Свобода и ответственность: разграничение смежных понятий // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3.
15. Дьякова В.В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12.
16. Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6.
17. Иванова И.В. К вопросу о подходах к изучению категории «социальная ответственность» // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4.
18. Капто А.С. Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3.
19. Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2.
20. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск, 2017.
21. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 2.
22. Ковригина Г.Д. Социальная солидарность как метаинститут: Дис. д.ф.н. Иркутск, 2020.
23. Коньков А.Е. Актуальные механизмы гражданской солидарности в условиях вызовов цифровизации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1.
24. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1.
25. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Ценностные основы консолидации населения России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1.
26. Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 3.
27. Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8.
28. Миронова А.А. Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // Общественные науки и современность. 2014. № 3.
29. Мишурова О.И. Методологические подходы к изучению социальной ответственности // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 9.
30. Неверов А.В., Давыденкова Е.С. Социальная ответственность организаций малого и среднего бизнеса в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1.
31. Пазина О.Е. Социальная ответственность личности в современном обществе: Дис. к.ф.н. Нижний Новгород, 2007.
32. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Социальное доверие в российском обществе: тенденции и противоречия // Россия и современный мир. 2014. № 1.
33. Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1.
34. Узунов В.В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. № 2.
35. Черкашин М.Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология. 2019. Т. 4. № 3.
36. Чувство ответственности и возможности влияния на ситуацию. 2023 // URL: <https://www.levada.ru/2023/08/03/chuvstvo-otvetstvennosti-i-vozmozhnosti-vliyat-na-situatsiyu-2>.

37. Шабунова А.А., Косыгина К.Е., Белехова Г.В. Доверие и социальное неравенство: российский кейс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4.
38. Björnsson G., Bengt B. Normative responsibilities: Structure and sources // Parental Responsibility in the Context of Neuroscience and Genetics. Springer, 2017.
39. Hu Y., Ding X. The application of social responsibility in enterprises // International Journal of Global Economics and Management. 2024. Vol. 3. No. 2.
40. McKenna M. Conversation and Responsibility. Oxford Academic, 2012.
41. Steiner V.L. Environmental, social and governance (ESG) or corporate social responsibility (CSR): Encouraging sustainable consumption // Revista Contemporânea. 2024. Vol. 4. No. 9.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1013-1032

EDN: PWOHJI

Responsibility as a consolidation factor in the urban community of the Russian border region*

V.P. Babintsev¹, G.N. Gaidukova², Zh.A. Shapoval¹

¹Belgorod State National Research University,
Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia

²North-West Institute of Management – branch of RANEPА,
Sredny Prospekt V.O., 57/43, Saint Petersburg, 199178, Russia

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru; gaidukova-gn@ranepa.ru; shapoval@bsuedu.ru)

Abstract. Responsibility (social) is one of the most important value bases for consolidation of communities of different levels. Only if it is established in the mass consciousness as a personal essential quality, consolidation can become real. Despite the long-standing tradition of discussing responsibility, it still seems undeveloped in social-humanitarian knowledge. In addition, insufficient individual and collective responsibility often determines the life of communities of different levels and hinders unification. The article aims at assessing the role of personal responsibility in the consolidation of the urban population in the border region. This aim is determined not only by the significance of the responsibility pattern for consolidation but also by the special situation in the frontier region, which is influenced by the special military operation in Ukraine, i.e., responsibility acquires existential significance. The article is based on the results of the authors' sociological study conducted in 2022–2023 using the survey of urban residents in the Belgorod, Kursk and Voronezh Regions, expert survey and focus groups. The study showed the ambiguity and even paradoxical nature of common judgments regarding the extent of responsibility for oneself and society. The first paradox is the contradiction between the relatively high symbolic significance of the attitude towards socially responsible behavior and the inability to realize it. The second paradox is manifested in the conflict between individualistic and collectively oriented behavioral models: most urban residents worry about the situation in their “location”, about others and loved ones, but at the same time almost two-thirds agree that a person is responsible only for oneself and one's actions. The third paradox is that contrary to widespread stereotypes about the predominantly individualistic orientation of the youth the share of young people who believe that a person is responsible only for oneself turned out to be lower than in other age groups.

*© V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval, 2024

The article was submitted on 24.02.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

Key words: social consolidation; social solidarity; social responsibility; social conjunction; social disjunction; local community; urban community; Belgorod Region; border region

References

1. Anosov S.S. *Konsolidatsiya kak sotsialny fenomen: sotsialno-filosofsy analiz* [Consolidation as a Social Phenomenon: A Socio-Philosophical Analysis]. Chita; 2019. (In Russ.).
2. Anosov S.S. Effektivnost konsolidatsii: sotsialnaya politika gosudarstva [Efficiency of consolidation: Social policy of the state]. *Sotsiologiya*. 2021; 2. (In Russ.).
3. Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Z.A. Konsolidatsiya gorodskih soob-shchestv: predposylki i ogranichiteli [Consolidation of urban communities: Prerequisites and constraints]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2021; 46 (3). (In Russ.).
4. Belov A.V. Ponyatie sotsialnoy otvetstvennosti v sovremennoy sotsialnoy filosofii [The concept of social responsibility in contemporary social philosophy]. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2010; 47 (3). (In Russ.).
5. Biricheva E.V. Ekzistentsialnye osnovaniya fenomena sotsialnoy otvetstvennosti [Existential foundations of the phenomenon of social responsibility]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
6. Bobryshov S.V., Gorbatovskaya N.N. Fenomenologiya i funktsionalnoe predna-znachenie otvetstvennosti po regulirovaniyu vzaimootnoshenij lichnosti s samoy soboy i obshchestvom [Phenomenology and functional significance of responsibility for regulating the relationship with oneself and society]. *Izvestiya VGPU. Seriya: Pedagogicheskie Nauki*. 2016; 6.
7. Vasilenko I.V. Sotsialnaya otvetstvennost: metodologicheskyy analiz [Social responsibility: A methodological analysis]. *Logos et Praxis*. 2008; 1. (In Russ.).
8. Weber M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation]. Moscow; 2018. (In Russ.).
9. Veselov Yu.V., Skvotsov N.G. Transformatsiya kulturny doveriya v Rossii [Transformation of the trust culture Russia]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2023; 1. (In Russ.).
10. Wittenberg E.Ya. Sotsialnaya otvetstvennost biznesa v Rossii: voprosy teorii [Social responsibility of business in Russia: Theoretical issues]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2015; 4. (In Russ.).
11. Volter V.O. Natsionalnaya ideologiya kak faktor konsolidatsii rossijskogo obshchestva v usloviyah formirovaniya novogo miroponyadka [National ideology as a factor of the consolidation of the Russian society under the developing new world order]. *Vestnik Armavirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2021; 3. (In Russ.).
12. Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V., Sharkov F.I. O tsennostnykh osnovaniyakh i kommunikativnykh faktorakh konsolidatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva [On the value foundations and communicative factors of the consolidation of the contemporary Russian society]. *Kommunikologiya*. 2018; 6 (3). (In Russ.).
13. Gofman A.B. Solidarnost ili pravila, Durkhejm ili Hayek? O dvuh formakh sotsialnoy integratsii [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration]. *Sotsiologicheskyy ezhegodnik–2012*: Red. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. Moscow; 2013. (In Russ.).
14. Dik V.P., Sandakova L.G., Postnikov A.N. Svoboda i otvetstvennost: razgranichenie smezhnykh ponyatij [Freedom and responsibility: The distinction between related concepts]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filosofiya*. 2019; 3. (In Russ.).
15. Dyakova V.V. Solidarnost v kontekste analiza regionalnoy identichnosti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Solidarity in the analysis of regional identity (based on the results of the sociological study)]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2021; 12. (In Russ.).
16. Zarubina N.N. Teoriya ratsionalizatsii Maxa Webera kak metodologiya ponimaniya sovremennykh sotsiokulturnykh protsessov [Max Weber's theory of rationalization as a methodology for understanding contemporary social-cultural processes]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 6. (In Russ.).

17. Ivanova I.V. K voprosu o podkhodah k izucheniyu kategorii “sotsialnaya otvet-stvennost” [On the approaches to the study of the category “social responsibility”]. *Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik*. 2011; 4. (In Russ.).
18. Kapto A.S. Obiedinyayushchie tsennosti sotsialnoy konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2015; 3. (In Russ.).
19. Karmadonov O.A. Solidarnost, integratsiya, koniyunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 2. (In Russ.).
20. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. *Resursy sotsiokulturnoj konsolidatsii rossijskogo obshchestva* [Resources of the social-cultural consolidation of the Russian society]. Irkutsk; 2017. (In Russ.).
21. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. Sotsialnaya koniyunktsiya v resursnom aspekte [Social conjunction in the resource perspective]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2016; 2. (In Russ.).
22. Kovrigina G.D. *Sotsialnaya solidarnost kak metainstitut* [Social Solidarity as a Meta-institution]. Irkutsk; 2020. (In Russ.).
23. Konkov A.E. Aktualnye mekhanizmy grazhdanskoj solidarnosti v usloviyah vyzovov tsifrovizatsii [Actual mechanisms of civil solidarity under digitalization]. *Rossiya: Tendentsii i Perspektivy Razvitiya*. 2021; 16–1. (In Russ.).
24. Kostina E.Yu., Orlova N.A. Sotsialnaya aktivnost i sotsialnaya otvetstvennost v predstavleniyah i praktikah sovremennoj molodezhi [Social activity and social responsibility in the ideas and practices of the contemporary youth]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2022; 13 (1). (In Russ.).
25. Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Tsennostnye osnovy konsolidatsii naseleniya Rossii [Value foundations for consolidation of the Russian population]. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Povolzhsky Region. Obshchestvennye Nauki*. 2015; 1. (In Russ.).
26. Kuznetsov V.N. O sotsiologicheskom smysle ideologii konsolidatsii: geokulturny aspekt [On the sociological meaning of the consolidation ideology: A geocultural aspect]. *Bezopasnost Evrazii*. 2003; 3. (In Russ.).
27. Kuznetsov I.M. Osnovaniya tsennostnoj konsolidatsii rossiyan: traditsionalizm i obnovlenie [Foundations of the value consolidation of Russians: Traditionalism and renewal]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 8. (In Russ.).
28. Mironova A.A. Doverie, sotsialny kapital i sub`ektivnoe blagopoluchie individa [Personal trust, social capital and subjective well-being]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2014; 3. (In Russ.).
29. Mishurova O.I. Metodologicheskie podkhody k izucheniyu sotsialnoy otvetstvennosti [Methodological approaches to the study of social responsibility]. *Servis v Rossii i za Rubezhom*. 2016; 9. (In Russ.).
30. Neverov A.V., Davydenkova E.S. Sotsialnaya otvetstvennost organizatsij malogo i srednego biznesa v Rossii [Social responsibility of small and medium-sized business in Russia]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (1). (In Russ.).
31. Pazina O.E. *Sotsialnaya otvetstvennost lichnosti v sovremenном obshchestve* [Individual social responsibility in the contemporary society]. Nizhny Novgorod; 2007. (In Russ.).
32. Reutov E.V., Reutova M.N. Sotsialnoe doverie v rossijskom obshchestve: tendentsii i protivorechiya [Social trust in the Russian society: Trends and contradictions]. *Rossiya i Sovremennyy Mir*. 2014; 1. (In Russ.).
33. Rogachev S.V., Ilyicheva M.V., Ivanov A.V. Sotsialnoe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and social consolidation: New opportunities and risks]. *Izvestiya Tulskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2022; 1. (In Russ.).
34. Uzunov V.V. Faktory sotsialnoy konsolidatsii v regionalnyh soobshchestvah na Yuge Rossii [Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 4 (2). (In Russ.).

35. Cherkashin M.D. Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor sotsialnoy konsolidatsii obshchestva [Public confidence in authorities as a factor of social consolidation]. *Kommunikologiya*. 2019; 4 (3). (In Russ.).
36. *Chuvstvo otvetstvennosti i vozmozhnosti vliyaniya na situatsiyu* [A sense of responsibility and the possibility of influencing the situation]. 2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/08/03/chuvstvo-otvetstvennosti-i-vozmozhnosti-vliyat-na-situatsiyu-2>. (In Russ.).
37. Shabunova A.A., Kosygina K.E., Belekova G.V. Doverie i sotsialnoe neravenstvo: rossijsky kejs [Trust and social inequality: The Russian case]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 4. (In Russ.).
38. Björnsson G., Bengt B. Normative responsibilities: Structure and sources. *Parental Responsibility in the Context of Neuroscience and Genetics*. Springer; 2017.
39. Hu Y., Ding X. The application of social responsibility in enterprises. *International Journal of Global Economics and Management*. 2024; 3 (2).
40. McKenna M. *Conversation and Responsibility*. Oxford Academic; 2012.
41. Steiner V.L. Environmental, social and governance (ESG) or corporate social responsibility (CSR): Encouraging sustainable consumption. *Revista Contemporânea*. 2024; 4 (9).